
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-IX

Посвящается 130-летию со дня рождения С. А. Козина

Составитель И. В. Кульганек

St. Petersburg
2010

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-IX: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. — 176 с.

Девятый выпуск сборника имеет разделы: «Историография, источниковедение и история науки», «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Научная жизнь», «Рецензии, письма в редакцию», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монгоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеполитическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The ninth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews. Letters to the editors», «Scholarly events», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Корректор и редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Т. В. Чудинова*

Макет подготовлен издательством «Петербургское Востоковедение»

Подписано в печать 01.02.2011. Формат 60×90 1/8. Гарнитура основного текста «Таймс»

Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 22 п. л. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография „Наука“»

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-434-6

© Петербургское Востоковедение, 2010

© Институт восточных рукописей РАН

Содержание

Предисловие	5
И. В. Кульганек. С. А. Козин: неизвестные страницы биографии и научного творчества	7
С. А. Козин. Беседа мальчика-сироты с орлёками Чингис-хана (Подг. к изданию Т. Ю. Евдокимовой)	14
М. В. Мандрик, И. М. Захарова. К истории назначения на должность советника: С. А. Козин на пути в Монголию	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Т. Д. Скрынникова. Значение термина <i>ulus</i> в «Erdeni-yin tobči» Санан-Сэцэна	25
Е. В. Бойкова. «Монгольские экспедиции» А. Белинского (1907—1912): миф и реальность	30
Р. Ю. Почекаев. К вопросу о рецепции иностранного права в Монгольской империи и государствах чингисидов XIII—XV вв.	33
М. М. Содномпилова. Окружающая природа в традиционном мировоззрении монгольских народов: растительность в представлениях, верованиях и запретах	39
Д. А. Николаева. Материнство в традиционной культуре бурят	43
Дин Шучинь. Проблема <i>туцзу</i> в китайском монголоведении	51
Ж. Сабитов. «Муизз ал Ансаб» как источник по истории Монгольской империи	55
А. А. Сизова. Монгольский перевод ламрима Гампопы	63
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
З. К. Касьяненко. Колофоны оригинальных сочинений — источник информации о формировании письменной культуры народов Центральной Азии	67
Б. С. Дугаров. Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады	69
Л. С. Дампилова. «Поэзия эмоционально уплотненного тона» Б. Галсансуха	73
Саймон Уикем-Смит. Шепот внутри: поэзия Бекзина Явухулана (Пер. с англ. А. В. Зорина).	78
Д. А. Носов. Монгольская народная кумулятивная сказка	84
А. Алима. Особенности распространения монгольской протяжной песни	90
Т. Г. Басангова. Демонологические персонажи в фольклоре калмыков	95
Е. В. Сундуева. Вербализация зрительного восприятия световых явлений в монгольских языках (на материале корней с согласным <i>r</i>)	99
Т. Б. Тагарова. Адгерентная выразительность фразеологических единиц в драматургии Д. Батожабая как стилистический прием	103
И. В. Герасимов. Образ верблюда в монгольской и арабской литературных традициях	109
Ю. И. Елихина. Монгольские коллекции Государственного Эрмитажа	117
РЕЦЕНЗИИ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ	
Майкл Хини. <i>Тьяллинг Халбертсма.</i> Охотники на йети: тайные исследования диких людей из Центральной Азии (Пер. с англ. Н. С. Яхонтовой)	123
К. Н. Яцковская. Письмо в редакцию сборника «Mongolica»	125
К. Н. Яцковская. Наш учитель Эдуард Макарович Мурзаев (1908—1998).	127
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Л. Халлоупкова. Тридцатилетие Рабтен-центра в Швейцарии	136
Конференции, новые книги по монголоведению в 2010 году	138
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Д. Бодо. Коралловые четки. Поучительный рассказ о воздаянии за мирские деяния (Пер. с монг. Л. Скородумовой)	148
Г. Аюурзана. Письмо бабушке (Пер. с монг. Е. Чернышевой)	163
Г. Аюурзана. Прилагательные времени (Пер. с монг. Д. Водяницкой, Е. Чернышевой)	166
Д. Батбаяр. Любовь (Пер. с монг. Н. Чернухи)	168
Д. Батбаяр. Слово (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Батбаяр. Человек (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	169
Д. Нацагдорж. Мрачные скалы (Пер. с монг. О. Сапожниковой)	170

Contents

Preface	5
I. V. Kulganek. S. A. Kozin: some unknown biography and scolarly data	7
S. A. Kozin. A talk between nine Chinggis Khan's orloks and a wise orphan-boy (Prep. by T. Yu. Evdokimova)	14
M. V. Mandric, A. I. Zakharova. S. A. Kozin's appointment as a counsellor: S. A. Kozin on his way to Mongolia	17
HISTORIOGRAPHY, TEXTOLOGY	
T. D. Skrynnikova. The meaning of the term <i>ulus</i> in «Erdeni-yin tobči» by Sanan Secen	25
E. V. Boikova. The A. Belinskii's expeditions to Mongolia (1907—1912): myth and reality	30
R. Yu. Pochekeyev. On the problem of reception of the foreign law in the Mongolian Empire and Chinggiside States in XIII—XV centuries	33
M. M. Sodnompilova. The surrounding nature in the traditional world-view of the Mongolian peoples: vegetation in views, beliefs and taboos	39
D. A. Nikolayeva. Motherhood in the traditional Buriat culture	43
Ding Shuqin. The problem <i>Tutsu</i> in the Mongolian studies in China	51
Zh. Sabitov. «Muizz al-Ansab» as a source on the history of the Mongolian Empire	55
A. A. Sizova. A Mongolian translation of the lamrim by Gampopa	63
LITERATURE, FOLKLORE, LINGUISTICS	
Z. K. Kasyanenko. The colophones of original texts — a source of information about the formation of written culture in Central Asia	67
B. S. Dugarov. Tengrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»	69
L. S. Dampilova. «The poetry of emotionally pressed tone» by B. Galsansukh	73
S. Wickham-Smith. A whisper of something more: the poetry by Begziin Yavuuhulan (Transl. from English by A. Zorin)	78
D. A. Nosov. The Mongolian folk cumulative-type tale	84
A. Alima. The distribution features of Mongolian «long» songs	90
T. G. Basangova. Demonological characters in the Kalmyk folklore	95
E. V. Sunduyeva. The verbalisation of visualization of light phenomena by native speakers in the Mongolian languages (on roots with a consonant <i>r</i>)	99
T. B. Tagarova. The adherent expressivity of phraseal units in plays by a Buriat playwright D. Batozhabay as a stylistic device	103
I. V. Gerasimov. The camel image in Mongolian and Arabic literary tradition	109
Yu. I. Elikhina. The Mongolian collections in the State Hermitage Museum	117
REVIEWS. LETTERS TO THE EDITORS	
Michael Heaney. <i>Tjalling Halbertsma.</i> Yeti Jagers: Het Geheime Onderzoek naar de Wilde Mens van Centraal-Azië (Transl. from English by N. S. Yakhontova)	123
K. N. Yatskovskaya. A letter to the editors	125
K. N. Yatskovskaya. Our tutor Eduard Makarovich Murzayev (1908—1998)	127
SCHOLARLY EVENTS	
L. Holoupkova. The celebration of the 30th anniversary of the Rabten center in Switzzeland	136
Conferences, new books on Mongolian studies published in 2010	138
OUR TRANSLATIONS	
D. Bodo. Corall rosary. A didactic story about a requital for mundane deeds (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	148
G. Ayurzana. A letter to my granny (Transl. from Mongolian by E. Chernyshova)	163
G. Ayurzana. Adjectives of time (Transl. from Mongolian by L. G. Skorodumova)	166
D. Batbayar. Love (Transl. from Mongolian by N. Chernukha)	168
D. Batbayar. A word (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Batbayar. A man (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	169
D. Natsagdordzh. Gloomy rocks (Transl. from Mongolian by O. Sapozhnikova)	170

Б. С. Дугаров

Концепт тэнгристской мифологии в контексте бурятской Гэсэриады

Тэнгристская мифология, содержащая пантеон древних божеств и мифологическую картину сакрального мироздания, имеет большое значение для определения статуса бурятской Гэсэриады как сказания, в котором присутствуют национальные основы духовного наследия бурятского народа и органическая связь с центральноазиатским культурным комплексом. Концепт тэнгристской мифологии реализуется в контексте бурятской Гэсэриады, наглядно представляя квинтэссенцию уранических взглядов бурят.

Ключевые слова: мифология, уранические представления, концепт, тэнгристская мифология, бурятская Гэсэриада.

Бурятский героический эпос о Гэсэре, как свидетельствует история фольклористических исследований в Бурятии, является одним из главных направлений в эпосоведении. Он считается достаточно изученным в плане сюжетики, поэтики и его соотносительности с бурятской фольклорной традицией. Будучи сводом различных мифологических сюжетов, лежащих в основе эпического сказания, эпос «Абай Гэсэр», тем не менее, еще слабо изучен с точки зрения уранических представлений бурят.

Будучи древнейшей формой освоения мира, тэнгристская (от слова *тэнгри* — 'небо', 'небожитель') мифология как таковая, о чем свидетельствуют тексты, занимает значительное место в мировоззрении сказителей — творцов Гэсэриады. Своеобразие бурятской мифологии, относящейся прежде всего к миру небесных богов и их пантеону в целом, наиболее рельефно выявлено в эпосе «Гэсэр», его начальной главе — прологе, где мифологическая картина всего космоса, богов-небожителей и отцов героев бурятского эпоса — Гэсэра и его тридцати трех баторов (богатырей) приняла законченный систематический вид. По мнению самих бурят, «самым лучшим руководством для ознакомления с шаманской мифологией является героическая поэма о Гэсэрхане — сыне неба» [Потанина, 1895. С. 7].

Тэнгристская мифология, содержащая пантеон древних божеств и мифологическую картину сакрального мироздания, определяет статус бурятской Гэсэриады как сказания, имеющего субстанциональное значение для идентификации национальных основ духовного наследия бурятского народа и его органической связи с центральноазиатским культурным комплексом. Необходимо особо подчеркнуть, что важнейшую идеологическую и сюжетообразую-

щую роль в бурятской Гэсэриаде играет ее вступительная часть, именуемая прологом. Именно в прологе дается описание божественных обитателей Верхнего мира (Дээдэ замби) и «портретная» характеристика основных персонажей тэнгристского пантеона, играющих существенную роль в завязке эпического действия и определении сакральных истоков образа Гэсэра. Многочисленные варианты прологов, прежде не становившиеся объектом исследования в эпосоведении, представляют собой три условные группы источников по тэнгристской мифологии.

К первой — базисной — относятся известные варианты сказителей М. Имегенова, П. Петрова, П. Тушемилова, П. Дмитриева, сводный вариант М. Н. Хангалова. Наиболее широко и развернуто мир небожителей представлен в прологе молькинского варианта, составляющего самостоятельную версию в унгинской Гэсэриаде и отличающегося от всех опубликованных текстов «Гэсэра» полнотой и своеобразием сюжетной структуры. Пролог, насчитывающий более 4 тысяч стихотворных строк, является фактически улигером в улигере и уникальным по полноте и разнообразию сводом мифологических сюжетов.

Вторую группу источников образуют малоизвестные, впервые введенные нами в научный оборот на русском языке материалы. К ним относятся три варианта в записи американского ученого Дж. Куртина, среди которых особую ценность представляет вариант Архокова, значительно дополняющий мифологический дискурс пролога в эхирит-булагатской версии. Также следует назвать прологи Гэсэриады сказителей О. Хантаева и М. Шобонова, хранящиеся в архиве Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ (Улан-Удэ) и архиве Института востоковедения (Санкт-Петербург). Третью группу источни-

ков составляют прологи, не связанные тематически с Гэсэриадой, но имеющие важное значение для уяснения пролового феномена и общих типологических черт, характеризующих значимость «тэнгристского» фактора и роль божеств в эпической традиции бурят. Сюда относятся прологи улигеров «Хухэрдэй Мэргэн» (сказитель Б. Болдонов), «Буха Хара хубун» (сказитель М. Имегенов), а также в сравнительном плане представляет интерес пролог в некоторых вариантах калмыцкого эпоса «Джангар».

Особую группу источников представляют собой прологи центральноазиатских и тибетских версий Гэсэриады. Некоторые из них впервые использованы нами в сравнительном эпосоведении. Так, например, благодаря помощи моего коллеги Сэчэнмунха из г. Ланьчжоу (КНР) переведена на русский язык гуйдэская версия. То же самое следует сказать о тувинской версии, переведенной на русский язык по нашей просьбе Д. С. Кууларом. К данной группе источников примыкают и прологи восточномонгольского «Сказания о кальпе» («Галвын үлгэр») и якутского олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», также впервые рассматриваемые в бурятской фольклористике. В целом вышеназванные монгольские, тибетские и тюркские версии прологов, исследованные в сравнительно-типологическом плане, явились важным условием в комплексном осмыслении значимости концепта сына неба как эпического героя в сибирско-центральноазиатском этнокультурном ареале и выявлении специфики бурятского фольклорно-мифологического континуума [Дугаров, 2005. С. 183—276].

В свете вышесказанного необходимо подчеркнуть, что характеристика богов в бурятской Гэсэриаде не ограничивается только прологом. Их роль проявляется во многих ключевых эпизодах эпического нарратива, поскольку сам Гэсэр и его баторы, будучи сыновьями западных небожителей, ведут на земле борьбу с потомками восточных тэнгриев, выступающих в образах могучих мангадхаев и других отрицательных персонажей. Поэтому, помимо пролога, имеют большое значение собственно улигерные (эпические) тексты, а также тексты шаманских призываний, этнографические и этнолингвистические материалы. В них содержится необходимая источниковая база для воссоздания целостной картины сакральных аспектов Гэсэриады, связанных с культовой характеристикой высших мифологических персонажей в общем контексте бурятской фольклорно-мифологической традиции.

Наличие двух разностадиальных версий — эхирит-булагатской и унгинской в рамках единой фольклорной традиции позволяет рассмотреть сложный комплекс уранических представлений бурят, обнаруживающих теснейшую связь с шаманистской мифологией, и проследить эволюцию образов, мотивов и сюжетов теогонической поэзии как высшей формы сказительского мифотворчества. По своей семантической характеристике и иерархической репрезентативности тэнгристские мифы в небесном прологе Гэсэриады образуют несколько сюжетных

циклов. Первый из них можно условно назвать «матриархальным». В него входят поэтические рассказы об Эхэ эхэ бурхан, Манзан Гурмэ и Маяс Хара. Эта триада представляет, соответственно, Великую мать-богиню с функцией демиурга и ее дочерей — прародительниц богов.

Следующий цикл мифов содержит информацию о происхождении и генеалогии уранических богов, приводится персональный ряд представителей старшего поколения во главе с небожителями-старейшинами. Третий цикл мифов объединяет архетипический мотив смены поколений богов, проявляющийся в форме борьбы за верховенство в небесном мире. Он находит развязку в военном конфликте западных и восточных божеств, возглавляемых, соответственно, Хан Хормустой и Атай Уланом. Теоматия, в свою очередь, характеризуется мотифемой. Так, в основном русле сюжета борьба за власть в Верхнем мире проявляется в мифе о Сэгэн Сэбдэг тэнгри — небожителе, олицетворяющем центр, и его дочери Сэсэг Ногон. Оригинальное продолжение тема битвы богов получает в серии мифов о борьбе Асарангуйских тринадцати тэнгриев за главенство среди восточных небожителей после низвержения Атай Улана на землю. Тот же мотив, его «зооморфная» модификация в виде единоборства западного и восточного небесных быков встречается в ряде еще не обнародованных вариантов пролога. Следует подчеркнуть, что тема бинарных оппозиций является популярной в небесных сюжетах, что объясняется дуалистичностью самой бурятской мифологии. Эта особенность бурятской мифологии наиболее рельефно выражена в лейтмотиве небесной теоматии, являющейся ядром пролового действия и не имеющей аналога в центральноазиатских прологах.

Что касается общей характеристики тэнгристского пантеона, она отражает в эпической интерпретации всю сохранившуюся у бурят сумму представлений о небесном мироустройстве и его генезисе. В архитектонике мира небожителей прослеживается стадийная преемственность, генеалогические и иерархические отношения между божествами, приведенные в определенную систему, основанную на дуалистическом принципе. Значительную роль в моделировании пантеона и классификации мифологических фигур с выделением основных членов патриархальной семьи небожителей играет символика чисел 3, 7, 9, 13, 44, 55, 99, которые считаются сакральными в мифологической традиции монгольских народов. Также важную «организующую» функцию несут цветовой и латеральный коды, регулирующие бинарные особенности тэнгристского космоса и теонимию персонажного ряда.

Концептуальный характер самого пантеона исходит из антропоморфических образов божеств, составляющих первостепенный элемент в небесной мифологии бурят. В эхирит-булагатской версии в результате анализа нами определены в синхроническом плане три группы небожителей. К первой относятся наиболее архаичные божества, олицетворяю-

щие небесный свод и атмосферно-природные явления. Это Оёр Саган тэнгри, Хурта Баян тэнгри, Манта Баян тэнгри, Харанхуй Бурунхуй тэнгри. К ним примыкает Галта Улан тэнгри — Огненный Красный тэнгри, представляющий персонифицированное солярное божество. В эпосе он выступает как предшественник Атай Улана в фольклорно-мифологической традиции бурят и как обобщенный образ восточных небожителей, что свидетельствует об их стадийном старшинстве в сравнении с западными. Отметим, что Галта Улан тэнгри — один из главных улигерных персонажей, а сюжетное действие, связанное с ним и его дочерью Гагурай Ногон — небесной женой Гэсэра, составляет существенную часть эпического нарратива, содержащего элементы прапролога.

Следующую группу божеств образуют Эсэгэ Малан тэнгри, Заян Саган тэнгри и Хухэдэй Мэргэн тэнгри. Они представляют верховную триаду западных небожителей — небесных прародителей и покровителей Гэсэра. Примечательно, что Ханхан Хёрмос (Хормуста) в эхирит-булагатской версии фигурирует как символический персонаж, не адаптированный в сюжетной структуре улигерного текста. Это обстоятельство указывает на факт позднего заимствования образа данного божества.

К особой группе мифологических персонажей принадлежат мангадхай во главе с их патриархом небесного происхождения. Атрибутивная символика старейшины мангадхаев и его метаморфизм имеют выразительные параллели в евразийских мифологиях, особенно в восточномонгольском эпосе «Сказание о калпе». Это говорит о нем как о бывшем тэнгри, низвергнутом с неба на периферию космоса и перешедшем в разряд демонических существ в результате смены поколений богов. Данный персонаж, сохранившийся во всей целостности своего образа в эхирит-булагатской версии, еще раз подчеркивает ее уникальную значимость в реконструкции архаических основ пантеона бурят-монгольских божеств.

Дальнейшую стадию развития теологических представлений бурятских сказителей-мифотворцев демонстрирует унгинская традиция. Общее количество тэнгриев как мифологических единиц первого порядка достигает 99 (знак высокой сакральной информативности текста), что позволяет считать список небесных божеств в пантеоне Гэсэриады наиболее полным каталогом тэнгристских богов, известных в бурятоведении. Выявлена следующая схема иерархического устройства небесного мира, отражающая приоритет богинь-прародительниц. Генеалогический ряд западных божеств представлен (по нисходящей линии): Манзан Гурмэ, Эсэгэ Малан тэнгри, Хан Хормуста тэнгри. Сыном последнего считается Гэсэр, который во всех вариантах унгинского пролога имеет бурятские имена и фигурирует в ряде случаев не только как сын верховного небожителя, но и как божество-воитель. Симметричность соблюдается и в отношении родословной восточных божеств: Маяс Хара, Асарангуй Хара тэнгри, Атай Улан тэнгри.

Билатеральная генеалогия верховных небожителей свидетельствует об упорядочении иерархического устройства пантеона в соответствии с эволюцией традиционных мифологических концептов бурят, что особенно наглядно проявляется при сравнении персонажного ряда ведущих божеств в эхирит-булагатской и унгинской версиях. В связи с этим небезынтересно отметить факт стадийной смены ряда уранических божеств в системе эпического пантеона. Так, Заян Саган тэнгри, Хухэдэй Мэргэн тэнгри, Галта Улан тэнгри, играющие существенную роль в эхирит-булагатской версии, в унгинской версии уходят на второй план, уступая свои функции новому поколению богов. В данном контексте важно подчеркнуть устойчивость позиции Эсэгэ Малан тэнгрия, сохраняющего свой верховный статус в обеих версиях Гэсэриады. Следовательно, эпический материал адекватно отражает культовую значимость данного божества как центрального в религиозно-мифологической традиции бурят.

Что касается Гэсэра, его образ, вобравший в себя черты многих улигерных героев божественного происхождения, органично воплощает архетипический концепт сына неба в бурятской эпической традиции. Поэтому пролог в контексте уранических представлений творцов Гэсэриады есть развернутый миф, повествующий о мире богов как о небесной предыстории героя. В качестве улигерного персонажа Гэсэр воспроизводит на «героическом» уровне функционально-семантическую характеристику Хухэдэя Мэргэна — бога-громовержца в бурятской мифологии. В эпической интерпретации функция истребителя сил Зла составляет древнейшее ядро образа небесного героя, отправляемого божествами Неба на землю для уничтожения чудовищ. Данный тип героя, связанный с центральной темой героических сказаний в центральноазиатской традиции, особенно ярко проявился в архаичном эхирит-булагатском эпосе.

Функциональное сходство бога-громовника и героя — посланника неба сохраняется и в унгинской версии Гэсэриады. В ней герой считается сыном Хан Хормуста, который в поздних мифологических представлениях бурят и монголов в качестве бога неба моделирует атмосферно-грозовые феномены, дублируя тем самым основную функцию Хухэдэя Мэргэна, оттесненного на задний план в результате смены поколений богов в бурятском пантеоне. В связи с вышесказанным необходимо подчеркнуть этиологическую мифологичность пролога как исходного пункта для проявления функции Гэсэра как бога и сына бога в ипостаси эпического героя, посредством которого эпос демонстрирует свою парадигматическую связь с мифом. Именно семантико-генетическое родство героя с Небом является предпосылкой для сакрализации самого улигера. Идея же божественного происхождения Гэсэра связана с генезисом пролога как важнейшей начальной части эпоса, содержащей образы теогонической мифологии.

Таким образом, концепт тэнгристской мифологии, представляющий квинтэссенцию уранических

взглядов бурят, наиболее рельефно и наглядно реализуется в контексте бурятской Гэсэриады. Данная тема является новой и перспективной для бурятского эпосоведения, поскольку она предполагает синтез смежных научных исследований в области религиоведения, мифологии, этнографии, источниковедения и культурологии. В этом также видится актуальное

направление в развитии фольклористических исследований не только в Бурятии, но и в тюрко-монгольском и евразийском ареале в целом с учетом современных реалий и тенденций в переосмыслении духовного наследия в контексте взаимосвязей народов Запада и Востока.

Литература

Дугаров Б. С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. Улан-Удэ, 2005.

Потанина А. В. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895.

B. S. Dugarov

Tengrist mythological concept in the context of the Buriat epic «Geser»

Tengrist mythology with the pantheon of ancient deities and mythological picture of the sacred universe is of great importance for determining the status of the Buryat epic «Geser». The latter combines the spiritual heritage of the Buryats and the relationship with the Central Asian culture. The tengrist mythology presented in the «Geser» epic represents the quintessence of Uranus views of the Buriats.

Key words: Mythology, Uranic representations, concept, tengrist-mythology, the Buryat Geser.